

Робин Махержи

Что будет дальше? Искусство превращать истории в сценарии

Серия «Мастер сцены»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65193046

Р. Махержи. Что будет дальше? Искусство превращать истории в сценарии: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-117865-9

Аннотация

«История – это не просто используемый нами инструмент, она крайне важна, поскольку во многом определяет, кто мы. В некотором смысле это объясняет, почему тираны сжигают книги и в конечном счете тех, кто их пишет».

Р. Махержи

Вся наша жизнь: от общения с друзьями в баре до писем деловым партнерам, от первых свиданий до игр с детьми – состоит из историй. Истории – это то, что нам приходится рассказывать постоянно. Кто-то делает это лучше, кто-то хуже, а кто-то превращает это искусство в свою профессию. Так становятся писателями, драматургами и, разумеется, сценаристами.

В основе этой книги лежат две идеи. Во-первых, что история рождается естественным образом. Во-вторых, что законы истории

отражают законы природы. Опираясь на эти утверждения, Робин Махержи научит вас, как рассказывать истории так, чтобы они захватили интерес сначала продюсеров фильмов, а затем и миллионов зрителей.

Выполняйте упражнения, набирайтесь эмоций и опыта, живите полной жизнью, слушайте истории других и скорее переходите к практике! Ведь переломный момент в рождении нового сценариста происходит, когда ручка соприкасается с листом бумаги.

Робин Махержи – сценарист фильмов и телесериалов «Чисто английское убийство», «Медики», «Жители Ист-Энда», «Катастрофа», «Лоре» и другие.

Содержание

Благодарности	6
Введение	7
Однажды в вашей голове	12
Так вы хотите быть сценаристом?	27
Основа	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Робин Махержи

Что будет дальше?

Искусство превращать истории в сценарии

Robin Mukherjee

The Art of Screenplays – A Writer’s Guide: The Definitive
Handbook for Screenwriters (Creative Essentials)

© Robin Mukherjee 2014

© Перевод с английского А. Иевлева, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Тони Диннеру – наставнику, другу и
бесконечному источнику вдохновения для многих
авторов.*

*А также всем моим ученикам, которых я
повстречал за годы работы и у которых столькому
научился.*

Благодарности

Немало людей приложили руку к созданию этой работы. Здесь я могу упомянуть лишь нескольких. В первую очередь хочу поблагодарить Ханну Паттерсон – за то, что подстегнула меня к написанию этой книги, и Энн Хадсон – педантичного и вдумчивого редактора. Также я благодарен им обоим за безграничную поддержку и энтузиазм. Разумеется, я признателен Иону, Фрэнсис, Клэр, Клер и всей команде Creative Essentials – эта книга существует благодаря их силам и предприимчивости. Мне повезло: на протяжении многих лет мне довелось работать с удивительно талантливыми людьми, и все они что-то привнесли в мой жизненный опыт. Кроме того, я многим обязан небольшой группе театралов-авантюристов, которых много лет назад объединило желание общаться, экспериментировать и изучать искусство. Дружба с ними, сохранившаяся по сей день, бесценна. Наконец, я благодарен своей семье за абсолютную поддержку и бесконечное терпение.

Хотя главные законы стратегии могут вполне четко излагаться на благо всех и каждого, руководствоваться необходимо действиями врага, пытаясь сохранить за собой благоприятное положение среди военных действий.

Сунь-Цзы. «Искусство войны»

Введение

Подслушано в кафе:

ДЕВУШКА 1 *(С чавканьем жует пирог)*

И я такая: «Понимаешь, я просто говорю: ты вот так поступаешь – ага? – и тебя потом реально сильно прижмет». А она мне: «Че? Тебе-то какое дело?» А я говорю: «Но это же Нил, он мне как брат, ты в курсе?», а она мне: «Что-что? Ты и Нил?..» Я говорю ей: «Нет же, он мне как брат, сечешь?» И тут она выдает... *(Откидывается назад, складывает руки на груди)* «...А, ну понятно».

ДЕВУШКА 2

Ты и Нил?..

ДЕВУШКА 1

Ну... ага.

(Хихикает.)

Но это всего один раз было.

Возможно, Девушка 1 и не подозревала, но, пытаясь воссоздать ситуацию и донести свою мысль, она определенным образом структурировала рассказ и описала персонажа, по сути, написав сценарий. Если бы вы спросили ее (я, разумеется, ни за что не осмелился бы), скорее всего, она бы признала, что рассказывает некую историю. И пусть у бор-

цов за чистоту языка будет много претензий к ее речи, я волей-неволей смутно завидовал ее умению завладеть вниманием слушателя. Быть может, она только-только окончила какой-нибудь курс интенсивного обучения сценарному мастерству, а может, у нее в спальне стоит книжный шкаф, целиком и полностью забитый пухлыми томами на эту тему. Вот только я в этом сомневаюсь. Уверен, она смотрит телевизор и, может, какие-нибудь странные фильмы, но вопрос в другом: как она смогла рассказать историю, не имея официального образования в области искусства построения сюжета драматического произведения? Более того, зачем оно ей вообще? И почему ее подруга была так захвачена рассказом, не учитывая ее личную причастность к событиям и наше извечное увлечение скандалами?

Девушка 1 знала, что хочет сказать (несмотря на полный рот выпечки). Она понимала, что представляют из себя главные герои, она была во власти эмоциональной составляющей сюжета. Ей оставалось только дать волю этому механизму и обеспечить подруге развлечение, которым та так наслаждалась. Разумеется, от байки до профессионального сценария еще надо дойти, но составляющие одинаковы в обоих случаях. Если не брать в расчет формат, тонкости конструкции, редактуру диалогов и создание аутентичного персонажа, то нашего врожденного умения понимать, о чем нам рассказывают, вполне хватит, чтобы пройти долгий путь от заставки до титров в конце.

Как и все в этом мире, история разворачивается благодаря сочетанию творчества и знаний; иными словами, потому что в ней есть потребность и потому что необходима форма, в которой она сможет функционировать. Повествование по природе своей структурировано – ведь любое событие, стоящее упоминания, происходит по тому или иному шаблону. Мы довольно много знаем о персонаже, потому что большинство из нас – сами персонажи. Диалоги – это проявление речи, а ею мы пользуемся каждый день. Так что искать творческую энергию и форму, в которой проявятся ваши знания, стоит не в каком-то внешнем шаблоне, а в том, о чем вам самим не терпится рассказать.

Я, разумеется, полагаю, что вам есть о чем рассказать. Хотя возможно, вы взяли в руки эту книгу, потому что вам понравился цвет переплета. Впрочем, скорее всего, у вас в голове уже есть сюжеты либо вы подсудно ощущаете их присутствие и хотите попробовать придать им форму сценария. Если же вы просто надеетесь по пытать счастья в качестве профессионального сценариста, потому что деньги – хорошая штука, а на вечеринках весело, то вам стоит либо найти другое занятие, где ваши труды поскорее вознаградутся, либо побродить по закоулкам собственного разума в поисках сюжета. Без него вы далеко не уедете.

Или, может, вы уже что-то писали. Причем где-то слова буквально текли рекой – живые и звонкие, а где-то забивались в угол и отказывались выходить наружу. Возможно, сю-

жет завязывался узлом на полпути. Или главный герой бесконечно слонялся без дела в экзистенциальной тоске, что интересно для него, но никак не для тех, кто заплатил приличные деньги, чтобы понаблюдать за этим. А может, однажды, закончив текст, вы поняли, что написали обо всем, кроме того, о чем хотели написать. Тогда вы переработали его. Вылизали и пригладили, удалили лишнее и добавили новое, но чем больше вы старались, тем хуже становился текст. И вот, наконец, рукопись шмякнулась на пол в углу комнаты, приземлившись в кучу других отвергнутых черновиков.

И вы задаетесь вопросом: почему? Почему не получилось? Почему сюжет сбивается с курса, а диалоги кажутся тяжеловесными? Почему столь волнительный финал на восемьдесят шесть страниц не произвел желаемого эффекта? Это правильные вопросы, ведь раз вы задаете их, значит, вы разбираетесь в сюжете и понимаете, что написанный текст не в полной мере является повествованием в том неподдельном, естественном, даже банальном смысле, в каком воспринимает его человек.

В этой книге вам встретится немало вопросов. И порой вопросов больше, чем ответов. А ответы стоит рассматривать исключительно в качестве указателей, благодаря которым вы узнаете, на что стоит обратить внимание. Поразмышляйте над загадками, не торопитесь. В итоге каждый писатель найдет, почувствует и по-своему сформулирует ответы, в свое время и так, как подсказывает его характер и опыт.

Это важный момент, ведь написанный текст должен быть именно вашим, а не чьим-то еще. Вы отыщете ответы благодаря тем знаниям и творческим навыкам, которыми обладаете именно вы, а не кто-то другой.

Так начнем же путешествие! Наша цель – то мгновение, когда на странице перед вами развернется история. Развернется красочно, красиво и удивительно, ведь иначе и быть не может. Вы не пытаетесь найти слова. Не пытаетесь успеть за ними. Не придумываете слова героям. Они сами подскажут вам слова. А говорят они о том, что вам всегда было известно, – вот только вы об этом и не подозревали. Скорее всего, такое с вами уже случилось. И вы хотите повторения. Именно это заставляет большинство знакомых мне авторов писать снова и снова.

Однажды в вашей голове

Говорят, рыбы не осознают, что живут в воде, хотя, вероятно, если изменить температуру, плотность или состояние этой воды, чешуйки у них встанут дыбом. Вода не просто поддерживает рыбу на плаву, она сообщает ей информацию – информацию, которая, скорее всего, имеет смысл, и неважно, о какой рыбе идет речь – хищной или нет. Суть в том, что среда, в которой живут рыбы, становится для них настолько привычной, что, если не вытаскивать их на воздух, они будут уверены, что составляют с ней единое целое (неизвестно, есть ли у рыб вообще какая-то позиция по данному вопросу, но не будем уходить от темы). Аналогичным образом можно утверждать, что нас окружают истории, мы черпаем в них поддержку и информацию, но едва ли замечаем их существование, а значит, считаем неотделимыми от нас самих.

Истории окружают нас всю жизнь – сколько мы себя помним. Родители, бабушки и дедушки рассказывали нам сказки. Быть может, мы с недоумением рассматривали надписи в книжках с картинками, ожидая, пока кто-нибудь прочтет их вслух. Скорее всего, нам что-то рассказывали в первый день в школе. Истории улыбались нам с книжных полок школьной библиотеки. На протяжении всей нашей жизни они маршируют рядом – на экранах телевизоров, причем не только в виде художественных фильмов, но и в виде выпусков ново-

стей, спортивных репортажей, заставок программ и рекламных роликов. Мы встречаем их в театре и в кино. Они раскрываются перед нами на разворотах газет, выливаются на страницы книг.

У историй есть важные функции. Они успокаивают детей, рассказывают нам о мире, формируют образ мысли и заставляют совершать покупки. Хороший маркетинг не просто рассказывает о свойствах продукта, у него есть нарратив. Роль нарратива для вероучений еще важнее. Моисей не просто провозгласил десять заповедей – он спустился с ними с горы. Пророчество, лишенное грома и молний, – всего лишь предположение. Лишенная иносказаний проповедь скучна. Потому, чтобы донести свою мысль, будь она о банке фасоли или о смысле жизни, нужна история.

Итак, мы знаем, что такое истории. Даже если мы слушаем их, не вдаваясь в подробности конструкции повествования, мы с легкостью отличаем хорошую историю от плохой.

Прежде чем мы продолжим, хочу предупредить. Раз уж рыба осознает наличие воды, только оказавшись на суше, мы тоже должны выйти за пределы собственной истории, чтобы понять, как она работает. И вряд ли нам это понравится – как и рыбе, вытащенной из воды. Возможно, в долгосрочной перспективе у нас разовьется вкус к хорошему материалу, из простых обывателей мы превратимся в эстетов и нас будет куда сложнее соблазнить.

Однажды мне довелось побывать в русском морге – в ис-

следовательских целях, и я был ошарашен, увидев в ординаторской календарь в стиле пин-ап. Я недоумевал: как можно распивать чай во время перерыва, с вождением поглядывая на человеческое тело, если только утром ты резал точно такие же тела своими руками? Безусловно, когда знаешь всю эту чернуху изнутри, сложно поддаться очарованию внешней формы. Однако, будучи писателями, мы, подобно патологоанатомам, должны переступить через собственную чувствительность, через очевидное обаяние дамочек, эффектно позирующих в бикини ради нашего сомнительного удовольствия, и познать другую, более глубокую красоту. Вскоре мы обнаружим, что то, что делает историю – идеально отлаженное и мощное сочетание драматических компонентов, – столь же прекрасно, как и сам ее сюжет.

Подумайте над следующими вопросами (возможно, они уже приходили вам на ум). Пусть для среднестатистического восприятия истории они не имеют особого значения, зато помогают видеть дальше пин-апа. Копните чуть глубже. Попробуйте увидеть, сколько историй окружают вас изо дня в день – целое море, в котором вы плаваете, сколько себя помните.

- Зачем нам нужны истории, почему мы хотим их слушать?
- Почему истории существовали на протяжении всех веков, во всех культурах, от самых «примитивных» до самых «развитых»?

• Почему тоталитарные режимы в первую очередь заставляют умолкнуть именно рассказчиков? Они представляют угрозу? Для чего? Каким образом?

• Что происходит с беседой, когда кто – то начинает рассказывать историю?

• Что происходит с нами, когда мы слышим историю?

• Если говорить о личном восприятии, есть ли истории, которые тронули и изменили нас?

• Почему связь с историями, с которыми мы познакомились в детстве, сохраняется до конца наших дней?

• Возвращаемся ли мы к историям, которые услышали в детстве и запомнили?

• Меняла ли когда-либо история наше восприятие чего-либо?

• Меняла ли когда-либо история наше восприятие самих себя?

• Можно ли вообразить жизнь или мир без историй? На что он будет похож?

Я не только сам размышлял над этими вопросами (все что угодно, лишь бы не садиться за написание книги!), но и периодически задавал их группам писателей. Далее представлены ответы, которые встречались чаще других, хотя этот список нельзя считать исчерпывающим. Прежде чем приступить к его прочтению, остановитесь и набросайте собственные ответы – или просто продумайте их. Время от времени возвращайтесь к этим вопросам, особенно если устали или чув-

ствуετε, что вымотались. Возможно, тогда вы вспомните, почему вообще решились писать. По крайней мере, они вновь откроют вам глаза на невероятную мощь этого искусства.

Из историй мы узнаем о мире

Так, «Аббатство Даунтон» рассказывает нам, как строили козни в загородном доме эдвардианской эпохи. «Линкольн» открывает дверь в историю, позволяя увидеть ее в решающий момент, который едва ли можно в полной мере осознать в обычной ситуации. Благодаря различным фильмам и телепрограммам мы наблюдаем за бойлерными, торговлей хеджевых фондов, Английской революцией, распространением опиума, малобюджетными проектами в Балтиморе и космическими станциями. Любители медицинских сериалов, посмотрев сезон-другой, пожалуй, вполне смогут использовать прием Геймлиха или провести трахеотомию. Для поклонников судебных процедуралов¹ большим соблазном станет самостоятельная защита своих интересов в суде – хотя я бы не рекомендовал.

Сюжеты, которые встречаются в фильмах и книгах, подстегивают нас заглянуть туда, куда в обычных условиях мы бы точно не сунулись. А ведь мы пытливые создания. От этого зависит прогресс и выживание как отдельного человека,

¹ Процедурал – сериал о какой-либо профессиональной сфере. – *Прим. ред.*

так и всего нашего вида. Так рассказывается история человечества – это традиция, столь же древняя и важная, как эпические поэмы и странствующие трубадуры. Кроме того, можно в удовольствие провести время, неся пешую патрульную службу, находясь в компании выдающихся людей или отстаивая свободу далекого колониального поселения – пусть даже опосредованно.

Из историй мы узнаем о себе

Шекспир называл историю зеркалом, в котором отражается все хорошее, что есть в нас, все хорошее, отринутое нами, главные идеи, влияющие на наши мысли и поступки. Так что история может раскрыть нам глаза на величайшие добродетели: смелость, доверие, верность, достоинство и не только. Равно как и на их поизносившихся собратьев: злость, зависть, трусость, высокомерие и т. д. Когда Гордон Гекко, герой фильма «Уолл-стрит», заявил, что жадность – это хорошо, эхом отражая мощную идею того времени, мы разглядели не только внешний блеск, но и гнусные последствия бесконечной алчности. Когда доктор Кинг Шульц решил пристрелить Кэлвина Кэнди, вместо того чтобы пожать ему руку («Джанго освобожденный»), нам предложили поразмышлять о тонкой грани между принципиальностью и инстинктом самосохранения. В английском языке слово story (история, рассказ) произошло от другого – однокоренного со сло-

вом wisdom (мудрость). Мудрость требует определенного самоанализа, рефлексии, отличающей нас от животных, с которыми мы сосуществуем (причем не всегда мирно) в одной экосистеме. Эта же идея отражается в названии, которое мы дали себе как виду. Homo sapiens означает «человек разумный», причем sapiens подразумевает как раз самоанализ. Так что история – это не просто используемый нами инструмент, она крайне важна, поскольку во многом определяет, кто мы. В некотором смысле это объясняет, почему тираны сжигают книги и в конечном счете тех, кто их пишет. Кроме того, смысловой компонент усиливает значимость истории. Она перестает быть праздным развлечением и становится ключом к осознанию нашей идентичности, того, как мы – люди – функционируем.

Обрядность и коллективный опыт

Мы гордимся своей индивидуальностью («я не просто один из многих»), и все же есть некое удовольствие в том, что порой наша хрупкая исключительность становится частью чего-то большего – единой силы, действующей ради всеобщего блага. Вот почему иногда мы собираемся вместе – на стадионах, в местах поклонения, в кинотеатрах. Голубям и пандам подобное несвойственно. В фильме «Хичкок» Энтони Хопкинс, исполнивший роль главного героя, стоит за дверью зала, прислушиваясь к каждому вздоху и воплю.

Его фильм «Психо» превратил полный зал мельтешащих людишек в группу зрителей, объединенных общим, коллективным ощущением ужаса. Впрочем, с тем же успехом их могли объединить радость, удивление и любая другая человеческая эмоция. За исключением переломных моментов, наши чувства зачастую приглушены, обобщены и сплетены друг с другом так тесно, что нас едва ли что-то может взволновать. Зато в зрительном зале эти чувства, усиленные общим опытом, настолько живы, что их можно смаковать, невзирая на нашу старость и цинизм, – они как мамин рецепт из детства. Такова сила кинематографа, и во многом именно поэтому он приводит людей в восторг.

Телевидение охватывает группы поменьше, но все же способно объединить не только членов семьи, сидящих на диване, но и приятелей, столпившихся у кулера или болтающих о пустяках. Благодаря ему мы чувствуем связь с духом времени и не ощущаем себя песчинкой в этой безжалостной вселенной. Задача писателя – создать обряд, момент, механизм, вокруг которого объединятся люди. Проще говоря, когда мы смотрим спектакль, фильм или телепередачу, когда слушаем радио или читаем книгу, мы не одиноки.

Истории говорят за нас

Порой я шучу, что в жизни писателя три преимущества. Во-первых, вечеринки. Во-вторых, узнаешь, что в жизни не

бывает ничего плохого – все становится материалом для истории. В-третьих, предоставляется возможность заглянуть в места, которые обычно закрыты для людей, не имеющих к ним прямого отношения. Мне доводилось ездить на заднем сиденье полицейских автомобилей, на переднем сиденье скорой помощи, бродить по коридорам тюрьмы, беседовать с солдатами, медсестрами, спасателями, профессиональными юристами и инженерами из самых разных отраслей. Разумеется, приходится предъявить документы, но, как только попадаешь внутрь, просто поразительно, с какой готовностью люди вступают в беседу. Это происходит потому, что все мы хотим, чтобы нас выслушали, одобрили. Забвение обладает не меньшей властью, чем творчество, и даже если не всем нам грозит вот-вот исчезнуть навечно, пожалуй, каждого гложет некая остаточная тревога, что мы отстанем, а племя меж тем двинется дальше, – это первобытный инстинкт.

Знаете, почему поют дрозды? Причины могут быть разные: поднять тревогу, заявить права на свою территорию, оповестить всех о наступлении рассвета или позвать самку. У человека репертуар куда обширнее (а может, точно такой же, разве что в нем больше нюансов), тем не менее даже те из нас, кто не является «писателем», знают, что иногда возникает острая необходимость передать сообщение.

Порой они весьма просты: «человек за бортом», «полицейский ранен», «на помощь». Эти фразы не надо оттачивать, перестраивать, выверять. Но когда ребенок прибегает

к маме рассказать, что в кустах медленно ползает червяк, его тоже подстегивает необходимость высказаться. Нам знакомы такие «неотложные задачи». Чтобы поведать о них, не требуется усилий. Вообще-то, у нас даже выбора нет, кроме как рассказать о том, что привлекло наше внимание. Мы оживленно говорим и жестикулируем, ведь в этот момент мы увлечены, и, подобно дрозду, который поет, потому что не знает, как еще выразить себя, уже не мы управляем своей речью, а речь управляет нами. На этом уровне общения не существует техники и нет места сомнениям. Это прекрасная точка отсчета, и, если вы сможете поймать этот момент, начинайте писать. А поймать его можно только в том случае, если вам есть что сказать.

Конкретное проявление такого общения обуславливают обстоятельства, но само общение осуществляем все мы. Выживание и прогресс нашей семьи, племени и вида зависит от того, насколько быстро мы передадим то или иное сообщение. Это может быть крик – скажем, «пожар!». Это может быть более глубокий и осмысленный философский вопрос. Но у нас это в крови. Благодаря слову – в том числе письменному – мы чувствуем себя живыми, полноценными, подобно тому как птица чувствует себя живой, когда поет.

К слову о нематериальном...

Вы ничем не можете измерить любовь, смелость, доверие,

ревность и ярость – разве что тем, как они влияют на наши поступки. Их точно не закупоришь в бутылке, не закатаешь в жестяной банке. Так как же мы их ощущаем?

Достаточно, чтобы тебя вытолкнули из очереди, и ты поймешь, что значит «играть по правилам». Штраф за парковку из-за того, что желтая линия разметки оказалась скрыта мусором, точно не заставит нас сомневаться в важности справедливости. И пока философы, ученые и теологи пытаются понять, в чем же правда, зарывшись в научные заметки и повторяя друг другу прописные истины, мы понимаем, как неприятно лгать, и ценим тех, кто честен с нами.

Благодаря историям мы сталкиваемся со множеством важных мелочей, не рискуя получить штраф за парковку или подвергнуться опасности, как бывает с настоящей пожарной бригадой. Вызывая в нашем воображении облик реального мира, рассказы предоставляют шанс познать его, оставаясь в безопасности собственного кресла.

При этом через истории мы можем насладиться неясными ощущениями, которым не подобрать названия – или, точнее, которые невозможно описать одним словом. Именно это отличает историю от эссе, академического анализа и проповеди, ведь они описывают событие, а история позволяет пережить его.

Вот почему величайшие сюжеты невозможно в полной мере проанализировать. По той же причине люди по-разному воспринимают одно и то же произведение. По той же

причине человек может вернуться к истории в другом возрасте и понять ее по-другому. Смысл таких сюжетов настолько глубок, что порой выходит за пределы языка; он может в любой момент измениться вместе с нашим внутренним миром. Рассказчик, быть может, и пытается определенным образом направлять этот внутренний мир, но преуспевает в этом лишь до поры до времени. Сильный текст предполагает вовлеченность читателя. Иногда даже автор не способен выразить смысл своего произведения иначе как самим произведением. Он пишет просто потому, что интуитивно чувствует, что так должно быть.

Веселье

В драматургии есть место и забавам. Неспроста мы называем актерскую игру игрой. Зрелище должно радовать, удивлять, ошарашивать и, быть может, даже ужасать.

Когда моему сыну было шесть, я взял его с собой на съемки – посмотреть, как все происходит. Воскресным утром мы работали на улицах Бристоля и снимали, как полицейский под прикрытием гонится за грабителем, укравшим сумочку, – не глядя на светофоры, едва не попав под машину. Местная полиция была в курсе происходящего, и мы контролировали светофоры, подстраивая их под себя. И чудо! – мимо проезжала полицейская машина из соседнего округа. Офицеры остановились на переходе, увидели погоню. Они

рванули наперерез движению, врубил сирену и погнались за двумя актерами, один из которых на бегу повернулся и крикнул: «Офицер, все в порядке, мы просто притворяемся». И тут они заметили съемочную бригаду.

И мой сын все понял. Он ведь играл с друзьями, и они тоже притворялись. Во всей этой ситуации его восхитили взрослые люди, чья профессия заключалась в том, чтобы вести себя как дети. Некоторое время с пустя учитель спросил его, кем работает его папа, и мой сын ответил: «Глупостями занимается».

Может ли нечто серьезное быть глупым, а глупое – серьезным? Почему дети играют, а некоторые взрослые так и не вырастают из этого? А подумайте-ка сами! Только помните, что одна из составляющих драматургии – радость. Порой истории используют, чтобы преподать урок, поднять какой-то вопрос. Однажды я использовал персонажа-медика, чтобы отчитать государство за приватизацию медицинских учреждений. Впрочем, какой бы полезной ни была обличительная речь, наступает момент, когда с драмой пора заканчивать. В конечном счете есть игра ради игры. И хоть недавние исследования и показали, что, раскачиваясь на качелях, дети развивают баланс внутреннего уха, вряд ли они задумываются об этом в процессе.

Развлечение

Под развлечением понимается способность удержать внимание. Внимание постоянно на что-то обращено. Зачастую оно блуждает в катакомбах запутанных неврозов, глубочайших страхов, жалких тревог и незначительных переживаний. Наша ответственность как писателей – спасти зрителей от этой чумы. Под нашей охраной они будут свободны, пусть и на пару минут – а может, на все девяносто. Если их внимание ослабнет хоть на секунду, ими вновь завладеют ипотека, домашнее задание, начальник, эпидермофития стопы и кошачьи блохи. А виноваты будете вы. На мгновение вы становитесь на одну ступень с повышением заработной платы, которое так и не удалось получить, с присланной на работе мерзкой служебной запиской. Так что вы лишаетесь внимания аудитории на свой страх и риск.

И т. д.

Еда питает наш организм, а потому, безусловно, приносит пользу, но еще благодаря ей люди собираются вместе, отмечают особые даты, готовят угощение и т. д. Чем сложнее какой-либо предмет, тем больше у него функций. Надо понимать, что история является крайне сложным много-

функциональным продуктом. Я перечислил лишь некоторые – наиболее распространенные – ответы на свой вопрос и добавил кое-что от себя. Составьте собственный список. Добавьте в него то, что я опустил. Приукрасьте или скорректируйте мои предложения. И оставьте эти вопросы открытыми для себя. Ваши ответы, а может, и значение, которое вы придаете тем или иным вопросам, могут измениться со временем, но это поможет вам вдохнуть жизнь в свой текст. Когда сюжет начнет буксовать, или покажется слишком плоским, или будет рычать на вас со стола, а мотивация будет угасать, сколько бы кофе вы ни пили, вспомните о том, как значимо это искусство. Вспомните, что делают писатели. Мы развлекаем, радуем и околдовываем отягощенные разумы других. Мы должны возвышать и одобрять, обогащать и развивать чувство собственного «я» на самом глубоком уровне. Такова наша работа. Мы поем для человечества. Не вы принимаете решение писать. И если когда-нибудь вы почувствуете, что вам не хочется этим заниматься, подумайте о том, что побудило вас заговорить. Быть может, это не вы выбрали историю, лежащую на вашем столе, ту, что бродит в вашей голове. Быть может, это она выбрала вас.

Так вы хотите быть сценаристом?

Иногда я задаю студентам еще один вопрос: почему вы хотите стать сценаристом? Это не совсем честно, ведь я не уверен, что у меня самого вообще было такое желание. И когда меня спрашивают, кем я работаю, всегда неловко использовать слово на букву «с».

Быть может, у вас все иначе – честно говоря, это не так важно. Но если вы хотите «быть сценаристом», то ищите таких приключений на свою голову, что, право слово, стоит заранее обдумать эту затею, прежде чем по неосторожности или по глупости взяться за ее воплощение.

Когда я впервые встретил своего наставника на ВВС, он спросил, чем еще я занимаюсь. Встретив мой непонимающий взгляд, он пояснил: «Я имею в виду, что еще ты умеешь, кроме как писать, есть еще какие-то навыки, подготовка, образование, профессия?» Я сказал, что изучал право. «Так стань юристом! – воскликнул он. – А уж если решишь пренебречь моим советом, давай поговорим о сценариях». Лишь позже я понял, зачем он задал этот вопрос. Он был рад помочь мне стать сценаристом, но хотел полностью снять с себя ответственность за все мои страдания, к которым может привести такое решение. Вы ступаете на этот путь на свой страх и риск.

Так задумайтесь. Почему вы хотите стать сценаристом?

Вы вообще хотите им быть? И что за профессия такая – сценарист? Мы уже прояснили, какова роль писателей в общем и целом и насколько она важна. Но на какую рутину вы подписываетесь? Как работают сценаристы, чем они живут и дышат, что чувствуют? Есть ли в их жизни некая привычная колея, или одинаковые для всех строгие принципы, или они живут как все? Как вы думаете, каково это будет? На этот вопрос нельзя ответить правильно или неправильно, суть в том, реалистично ли вы смотрите на вещи или пребываете во власти своих иллюзий. Как вы все себе представляете?

Если у вас уже есть некое представление о том, кто такой сценарист, повертите этот мысленный образ и так и сяк, посмотрите, получится ли изучить его как следует. Несколько лет назад я встретил старого школьного приятеля, который стал полицейским. Я как раз собирался сказать, как, должно быть, здорово знать, что ты изо дня в день приносишь реальную пользу этому миру, когда он поднял взгляд от кружки пива и произнес: «Знаешь, я ужасно, ужасно завидую тому, как ты живешь». Когда я надавил, пытаюсь выяснить почему, он сказал, что давным-давно видел, как в одной рекламе божественные личности предавались праздному времяпрепровождению в бликах солнца, потягивая аперитивы (которые, собственно, и рекламировали), а он всегда мечтал, что однажды тоже сможет растянуться на травяном холме, а совсем рядом будут импровизировать поэты, читая только что сочиненные двустушия. Но вместо этого он выволакивал пьяниц из ма-

газинов в неблагополучных кварталах Северного Лондона, а жизнь его мало напоминала рекламу. Вот только насколько точное впечатление у него сложилось о существовании представителей литературных кругов?

Ладно, допустим, в свое время я тоже мечтал распивать «Дюбонне», но на деле эта профессия – тяжелый труд. Ты пляшишь на пустой лист, идея, над которой бьешься несколько дней, внезапно разваливается, клиент хочет сочетать несочетаемое, а непостижимое руководство просит внести дополнения, полностью разрушающие все самое важное в написанном сценарии. Актеры впервые читают сценарий в такси по дороге на съемки. Режиссеры вносят правки, чтобы потешить собственное эго с помощью постановки. В семь вечера в пятницу раздается телефонный звонок, и тебя просят «быстренько все переписать» к утру понедельника. Приходится долго тащиться в одиночестве от железнодорожной станции на собрание по сценарию, а потом тащиться обратно – так же долго и по-прежнему в одиночестве. И порой ты забываешь, с чего вообще вдруг захотел рассказать ту или иную историю, но какая, к черту, разница, если через три часа ты должен ее выслать? «Тебе никогда не было интересно, почему наши офисы находятся на первом этаже? – спросил как-то продюсер моего первого телесериала. – Это чтобы сценарист не разбился, выпрыгнув из окна».

Разумеется, есть и свои плюсы, но если у вас еще остались крупинки мечты о богемной жизни, откажитесь от них раз и

навсегда – прямо сейчас. Это не путь наименьшего сопротивления. Легкой жизни не будет, как не будет и веселого пути от прилива вдохновения до красной ковровой дорожки. К слову, красная ковровая дорожка окрашена кровью приступов агонии, через которые вам придется пройти, чтобы добраться до цели. И даже если вы предстанете с наградой перед шквалом фотовспышек, скорее всего, на уме у вас будет следующий проект, с которым как раз возникли трудности. Как-то раз, через несколько недель после того, как нашу премьеру встретили овациями стоя, один из режиссеров сказал мне: «Знаешь, надо было мне глубже вдохнуть в тот момент».

Но если дело не в праздной жизни, не в славе, которая так тешит самолюбие, не в блеске церемонии награждения и даже не в деньгах (их можно получить более простыми способами), то в чем же? Что остается? Возможно, тут вам стоит походить по комнате и привести мысли в порядок, но, вернувшись за стол, будьте готовы ответить на этот вопрос, так как от него может зависеть вся ваша дальнейшая жизнь.

Я не утверждаю, что мечтать нельзя, время от времени все мы поддаемся мечтам и все мы испытываем волнение, когда они сбываются. Я попросту предупреждаю, что их поддержки может не хватить, пока вы долгими ночами будете переписывать текст. Что они не убергут вас от разочарования, от препятствий на вашем пути, от идиотов в руководстве и от ваших личных демонов в лице сомнений и отчаянья. Долж-

но быть что-то еще. В противном случае, скорее всего, вы все бросите, как только станет трудно. Большинство людей так и делает.

Неудивительно, что ответы на вопрос «почему вы хотите стать сценаристом?» и на вопрос «зачем нужны истории?» в конечном счете сводятся к одному и тому же. Есть какой-то зуд. Одним достаточно поделиться анекдотом за пинтой пива. Другие предпочитают вести блог, дневник или с кем-то переписываться. Но есть и те, кто выбирает такую жизнь. Причины могут меняться каждый день – а могут, когда мы сталкиваемся с невзгодами и трудностями. Я спрашивал многих, почему они хотят стать сценаристами, и вот какие ответы доводилось слышать чаще всего:

- **Отомстить всем тем, кто не принимал меня всерьез в школе.** Если серьезно, то этот мотив всплывает редко, но несколько человек признали, что он мелькает на периферии их более благородных побуждений.

- **Осмыслить происходящее в мире.** Писательство предоставляет возможность осмыслить безумную кашу всего, с чем мы сталкиваемся, и превратить ее в нечто гармоничное либо найти гармонию в разноголосице рутины. Писать – значит превращать шум в музыку.

- **Осмыслить собственные чувства.** Эта причина похожа на указанную выше, но в ней ярче выражена терапевтическая составляющая. В данном случае писательство сродни катарсису. Его обожают авторы дневников и блогов, однако

оно не чуждо и высшим эшелонам пуристов от литературы.

- **Ответить на собственные вопросы.** В процессе написания сценария можно исследовать хитросплетения собственного жизненного опыта.

- **Увековечить прожитое.** Чтобы наш опыт не пронесся в одно мгновение перед глазами и не канул в море бессмысленности.

- **Потому что есть вещи, о которых попросту надо говорить.** Себе и другим.

- **Ради развлечения.** Не забывайте об этом.

- **Потому что такова наша работа.** Разумеется, если этим вы зарабатываете на жизнь, с утра пораньше в понедельник вы будете на рабочем месте. Вы не ждете, когда придет вдохновение, потому что счета тоже не ждут. Хотя разница между словами «профессионал» и «любитель» в основном сводится к тому, что одному платят, а у второго попросту есть хобби, но на самом деле в первом случае речь идет еще и о том, чтобы дать клятву. Мы глубоко и, хотелось бы верить, необратимо признаемся в своей верности искусству. А потому не бросаем его, когда становится трудно. Не бросаем, когда перестаем получать удовольствие от процесса. Личное удовольствие здесь не главное. «Любительство» же означает, что мы занимаемся этим из любви. Ради забавы. Вообще-то так и должно быть (см. выше), даже у профессионалов. Но любитель может все бросить, когда веселье заканчивается. И как раз разница мотиваций заставляет вас позд-

но ночью тарашиться на страницу с ручкой в руке, пытаюсь выжать из себя хоть строчку диалога, в то время когда и разум, и тело отчаянно требуют сна.

• **«Я создан для этого».** Мы уже говорили о том, что человечеству, как и большинству видов, требуется способ заявить о себе. Мы отдельно рассмотрели процесс самоанализа животных, обладающих самосознанием. В сложном обществе различные роли, поддерживающие его надлежащую организацию, специализируются. Кого-то влечет медицина, плотницкое дело, преподавание, поварское искусство, инженерное искусство и т. д. Аналогичным образом всем нам нужны писатели, но не все мы должны становиться писателями. Есть среди нас те, для кого подобное времяпрепровождение играет особую роль. Оно связано с восприятием бытия, встроено в самую сущность человека. Возможно, вы один из них. Не стоит беспокоиться. И если вы начали писать в раннем возрасте или рассказывали истории с тех пор, как начали говорить, вполне вероятно, в этом ваше призвание. Чем сильнее вас зовет искусство, тем больше устойчивости вы проявите, столкнувшись с трудностями. Вы будете писать и писать, независимо от того, верят ли в вас. Если это действительно ваше призвание, пусть вас утешит то, что в конечном счете – поверят.

Саму отрасль, состоящую из вызывных листов, администраторов, кейтеринговых вагончиков, дедлайнов и обсуж-

дений бюджета, мало волнует, почему именно вы пишете. Недавно газета The Guardian опубликовала список категорий собственной премии, в котором наряду с привычными номинациями «Лучший актер», «Лучший режиссер» и т. д. оказались «Лучший диалог» и «Лучшая сцена». Судя по всему, диалоги и сцены либо пишутся сами, либо полностью являются заслугой людей, которые их зачитывают и снимают. Для The Guardian – издания, которое позиционирует себя в качестве некой литературной газетенки, сценаристы попросту не существуют. Тем не менее СМИ смотрят на наши личные, персональные и, как правило, постоянно меняющиеся причины братья за перо примерно так же, как нефтяная промышленность – на планктон: форма другая, суть та же. Без вашей потребности осмыслить неприятный опыт, исследовать вопросы, порождающие трещины в вашем сознании, нырнуть вглубь собственной психики в погоне за эмоциями, о которых воспитанные люди попросту не говорят, не будет текстов, телевидения, кинематографа, режиссеров, актеров, костюмеров, церемоний вручения премий и знаменитостей. Все они зависят от вас, от вашего опыта, от ваших особенностей, от испытываемого вами дискомфорта, от того, о чем вы мечтаете, – и неважно, знают они об этом или нет.

Большинство авторов, на которых я пытался надавить в этом вопросе, обычно признают, что не хотят быть писателями. Они просто хотят писать – и даже не в общем смысле этого слова, не просто усестыся и царапать что-то на листке

бумаги, зарабатывая на жизнь. Они хотят писать, потому что им есть что сказать. Иными словами, они нашли то, что потребовало голоса, и теперь должны написать об этом – здесь, сейчас, как можно скорее. Эта находка требует выражения со страстью и настойчивостью, которым невозможно противиться.

Так что же это за субстанция, что за материал, который, однажды встретившись вам, уже не отпускает, не дает покоя, пока не окажется высказанным, написанным на бумаге – во благо вашего спокойствия и к удовольствию многих? За неимением лучшего слова назовем это «основа». Это нечто экспериментальное, сырье для писательства. Ухватите ее – и ничто не сможет вас остановить.

Основа

Что такое основа?

Само слово «Основа» означает некое сырье, вещество, ткань. Так, основой дерева является древесина, основой озера – вода. Литература по своей природе более абстрактна, и все же мы знаем, из чего она состоит, даже если не можем ощутить это физически.

Также Основа означает «текст», но не просто слова на странице. Говоря «Основа», мы имеем в виду суть написанного.

Именно Основа становится для нас, сценаристов, исходным материалом. В некотором смысле – как древесина для плотника. Без нее все ваши навыки, мастерство, страсть и мечты ничего не стоят. И подобно тому как плотник должен разбираться в древесине – откуда она берется, из чего состоит, каких типов бывает, каковы ее достоинства и ограничения, как придать ей форму и как обработать, – сценарист должен понимать Основу драматургии.

Основа рождается из опыта. Она начинается с чувств. Естественная по природе своей, она сопровождает нас изо дня в день, ею овеян каждый миг нашего существования.

Разумеется, чаще всего мы едва ли ее замечаем. Если вы постараетесь вспомнить предыдущий день, неделю, а то и больше, то, вполне вероятно, обнаружите, что большие промежутки времени прошли, не оставив о себе ни малейшего воспоминания. Их составляют наиболее обыденные, непримечательные мгновения, из которых, как следствие, автор практически не черпает Основу для своих работ.

Мы помним некоторые мгновения или отдельные детали, лишь пока в этом есть необходимость. Где я оставил ключи от машины? Во сколько поезд? Есть и попросту первоочередные вопросы организационного толка. Где я живу? Так в чем, говорите, заключается моя работа? А что-то, бывает, засядет на подкорке, лишь бы досаждать нам. Я что, серьезно так и сказал? Это не Основа, это данные. Они служат определенной цели и помогают нам жить, но не становятся поводом к созданию великих текстов.

Мысленно перенеситесь назад во времени – прямо сейчас. Случалось ли с вами нечто интересное, необычное, примечательное? Надеюсь, вам не придется заглядывать далеко в прошлое. Как только что-то придет вам на ум, возьмите ручку и набросайте абзац или два, чтобы зафиксировать наиболее яркие детали. Что случилось, когда, при каких обстоятельствах, кто в этом участвовал, что вы сказали, увидели или сделали? Что вы почувствовали в тот момент? Что вы чувствуете по этому поводу сейчас? Если вам не удастся вспомнить ничего примечательно, постарайтесь как ми-

нимум найти что-то запоминающееся. Вы поймете, что момент запоминающийся, поскольку вспомните его, даже если речь всего лишь о вчерашнем завтраке или о том, как вы выносили мусор.

То, что вы только что сделали, – если, конечно, сделали, – и есть сценарий, а это неплохое начало для любого писателя. Теперь спросите себя, почему вы выбрали именно этот момент. Чем он так примечателен? Возможно, он был для вас эмоциональным – грустным, комичным, пронзительным или страшным. Возможно, он поведал вам о чем-то, рассказал о том, каким вы видите мир, кем являетесь, чем является все вокруг. В нем был некий смысл. Именно смысл отличает примечательный момент от посредственного. Само слово «смысл» означает «выраженное познание», а все, что связано с познанием, относится к сфере человеческого опыта.

Как-то раз один подающий надежды автор пожаловался, что ведет настолько спокойную жизнь, что ему совершенно не о чем писать. Я ответил, что он плохо ищет. Чтобы писать, необязательно переживать травму, достаточно зоркого глаза. В некотором смысле жизнь – уже травма: мы появляемся на свет с криком, а уходим против воли. Уже об этом стоит написать. Многие авторы успешно сублимируют основу текстов из незначительных деталей повседневной жизни. Яркий тому пример – Майк Ли и Алан Беннетт. В руках такого писателя, как Беннетт, печенье, закатившееся под диван, может породить метафизический парадокс, в сравнении

с которым идеи Ницше покажутся поверхностными. Личные кризисы могут стать причиной серьезных размышлений, но присмотритесь к самым обыденным моментам вашей жизни и найдете вопросы, которые надо задать, тайны, которые надо развеять, – повсюду ненавязчиво присутствует Основа для ваших текстов.

Несколько лет назад на экраны вернулся один крупный сериал, и проблему новых идей решили с помощью нестандартной фокус-группы. Целую комнату «обычных людей» прилично напоили, а потом спросили, что их беспокоит. Главным образом фокус-группу волновала нехватка социальной сплоченности, снижение стандартов образования, положение молодежи и общий рост уровня страха в обществе. Когда руководство сериала триумфально представило результаты своего исследования, один из сценаристов заметил, что все вышеперечисленное он наблюдал, пока ехал утром в электричке.

Он рассказал, как заметил сидящего через проход парня, закинувшего ноги на сиденье. Сценарист подумывал, не сделать ли замечание, но не решился: можно нарваться на склоку, а то и получить в лицо кулаком. Вместо этого он внутренне корчился, переживая целую палитру чувств: вину, возмущение, страх – и так по кругу. Потом он заметил, что других пассажиров одолевают примерно те же эмоции, и тут произошло кое-что интересное. Писатель стал гадать, что происходит в голове у самого парня, откуда он родом, что по-

служило причиной его злости, надежд и страхов, о чем говорит такое проявление демонстративного неповиновения и как в его глазах выглядит сам писатель и другие, подобные ему пассажиры.

Сценарист не только обесценил существование фокус-группы, но и продемонстрировал настоящую Основу, полученную из собственного опыта, и ни одно вторичное исследование не могло сравниться с ней по глубине и качеству. Главное, что это взгляд с позиции исследуемого объекта. Всего на мгновение писатель поставил себя на место – или, точнее, посадил на сиденье – того парня с характером. Всем нам знакомы злость, негодование, вызов и отчуждение – в определенный момент своей жизни мы в той или иной степени их переживаем. Они были не чужды и сценаристу, но он смог разглядеть их, посочувствовать этому парню. И с этого момента ему было о чем писать.

Сценаристы по своей сути принадлежат к категории людей, которые все пробуют и всем наслаждаются. Поэтому они так тонко чувствуют мир вокруг, дух времени, новейшие идеи, малейшие изменения в человеческом поведении. По этой же причине многие из них – социально неловкие, неуверенные в себе невротики! Слова на странице – не более чем следствие этого. Нам проще разобраться в себе, классифицировать и понять себя, царапая слова, исписывая страницы, и все написанное – лишь следствие наших же размышлений. А размышления фактически обусловлены тем, что является

их основой. Так что начинайте писать не с мечты о славе, а с того, что находится прямо перед вами, с собственного опыта. А уж как вы это оформите, зависит от вашего художественного дара. За исключением всего прочитанного вами, это – ваш главный источник вдохновения. Проще говоря, в отсутствие Основы вам не о чем писать.

Итак, посмотрим, что по сути своей представляет этот материал – Основа. Каким образом сценарист установил связь с объектом в электричке?

Тут есть три компонента.

Во-первых, простая архитектура происходящего: электричка, дорога, парень, закинувший ноги на сиденье, нежелание окружающих (включая наблюдателя) вмешиваться и, пожалуй, общий социальный контекст, в котором разворачивается действие.

Во-вторых, есть еще и смысл: социальная сплоченность, а точнее, ее отсутствие, безразличие молодежи и нерешительность взрослых, страх, смелость и так далее.

В-третьих, речь идет о самом наблюдении, которое во многом является трактовкой происходящего. Обстоятельства можно счесть комичными, трагичными, обескураживающими и т. п.

Скорее всего, вам знакомо понятие темы. Зачастую ее связывают со множеством Громких Слов, таких как Любовь, Справедливость, Верность, Жадность и так далее. Но это только слова. На деле тема может сопровождаться чрез-

мерным обилием нюансов, быть слишком многослойной и структурированной, из-за чего ее невозможно свести к одному или нескольким громогласным индикаторам. Но главное – по-прежнему сам опыт. Чем больше в нем слоев, чем богаче структура, тем насыщеннее будет текст, рожденный на его основе. Даже если мы описываем чужой опыт, необходимо найти внутри самих себя то, что позволит взглянуть на смысл вопроса со значимой для нас позиции. Поэтому необязательно ориентироваться на Громкое Слово (возможно, стоит и вовсе его отбросить). Надо лишь ощутить аутентичность в свете собственных наблюдений. Вокруг этого и развернется действие. Его Основа станет материалом для работы. Так давайте же посмотрим, как все осуществляется на практике.

В поисках основы

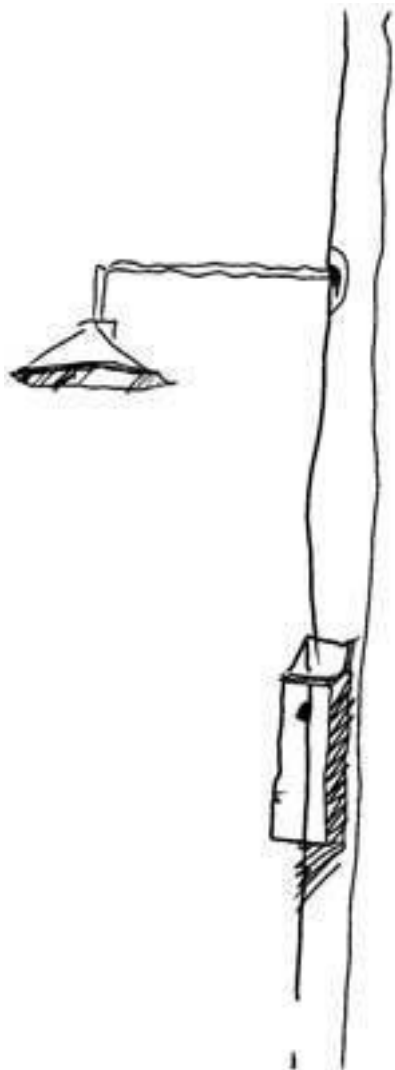
Если ты собрался в лес...

Несколько лет назад мне довелось услышать, как резчик по дереву рассказывает о своих утренних походах в лес в поисках материала. Он описывал, как вдоль кустарника стелется туман, и ты бредешь, не зная, найдешь ли хоть что-то, или подбираешь кусочек древесины и вертишь так и сяк, пытаешься понять, пригодится ли он, можно ли из него сделать нечто интересное и прекрасное. Он рассказывал, как сердце начинает биться чаще, когда находишь идеальный материал,

и неважно – для того, над чем ты планировал работать, или для нового проекта, идею которого он тебе подсказал. Он называл себя «лесным надоедой» и создавал изысканные работы. Порой, садясь с утра пораньше за стол, я вспоминаю его – представляю, как над деревьями встает солнце, а он бредет по лесу в резиновых сапогах, то и дело склоняясь, подбирая кусочки древесины. Представляю, как он вертит их в руках – холодные и влажные, как изучает их, исследует, вдыхает запах, и с этого самого момента разгорается день художника, разливается, подобно мощному и сильному потоку.

Подобно фрагменту древесины, таящей возможности для лесного надоеды, мгновенья нашей жизни становятся Основой, если обнажают истину или истины, которыми можно поделиться с другими. Это может быть катастрофа. Или печенье под диваном. «Драматургия» сегодня означает «нечто большее» – равно как и «то, что прямо под носом». Букет редко бывает эффектным, если составлен из скромных цветочков. Однако истинная Основа драматургии обладает потенциалом совершенно иного порядка (хотя взрывающиеся вертолеты по-прежнему привлекают внимание зрителя). В романе Вирджинии Вулф «На маяк» есть изумительный фрагмент, где миссис Рэмзи обдумывает скучный поход по магазинам. Впрочем, скучен он исключительно с точки зрения миссис Рэмзи. Для читателя эти размышления о скуке и попытки ее развеять, взяв с собой Чарльза Тэнсли, преисполнены надрыва и острой необходимости обрести нечто

истинное, постоянное среди быстротечности жизни. Это эффектный момент, а его описание, бросающее вызов скуке героини, лишь усиливает впечатление.

Несколько лет назад я разговорился с одним иллюстратором, после чего мы решили обменяться контактами. Он принялся листать маленький блокнот, который держал в руках, и все никак не мог найти чистый лист. В итоге он нацарапал свой электронный адрес рядом с рисунком. Меня поразило, сколько деталей он успел заметить. Ящик на фонарном столбе – мимо которого я бы прошел, не обратив на него никакого внимания, – у него обрел очертания, форму, игру света и тени, обзавелся своими особенностями, стал небольшой загадкой, крупницей истории. И, разумеется, он зарисовал его. В блокноте он зарисовывал Основу для своих работ и всегда держал его под рукой.

Имеет смысл завести блокнот, чтобы набрасывать собственные – литературные – заметки о том, что происходит с вами:

• **Во-первых, в этом случае, если вы что-то заметили или у вас появилась идея, вы ее не забудете.** Когда я просматриваю собственные записи, меня поражает, как малейшая деталь или крошечный момент могут стать основой целой истории, даже если в тот момент, когда я сделал набросок, он казался настолько непримечательным, что уже через мгновение я мог о нем забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.